

Ф.Д. ДЖЕЙМС

P.D.J

Ф.Д. ДЖЕЙМС

Ухищрения
и вождения

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д40

Серия «Ф.Д. Джеймс — королева английского детектива»

P.D. James

DEVICES AND DESIRES

Перевод с английского *И.М. Бессмертной*

Компьютерный дизайн *С.П. Озерова*

Печатается с разрешения автора и литературного агентства
Greene and Heaton Ltd. с/o Toymania LLC.

Джеймс, Филлис Дороти.

Д40 Ухищрения и вожделения : [роман] / Филлис Дороти Джеймс ; [пер. с англ. И.М. Бессмертной]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 480 с. — (Ф.Д. Джеймс — королева английского детектива).

ISBN 978-5-17-096252-5

Серийный убийца — на свободе. Идеальные для него «охотничьи уголья» — пустынное побережье Норфолка, где снова и снова находят растерзанные женские тела.

Местная полиция лишь строит догадки, и тогда на поиски маньяка отправляется лондонский детектив Адам Дэлглиш, случайно оказавшийся на месте преступления. Он задает вопросы — и получает на них очень странные ответы.

Он разрешает загадку за загадкой, но каждая влечет за собой новые тайны...

Охота продолжается?

**УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44**

© P.D. James, 1989
© Перевод. И.М. Бессмертная, 2003
ISBN 978-5-17-096252-5 © Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Отче наш, Всемогущий и Всемило-
стивейший! Мы грешили; мы сбива-
лись с указанного Тобою пути, словно
заблудшие овцы, уступая ухищрениям
и вожделениям сердец наших. Мы пре-
ступали Твои святые законы...

Но Ты, о Господи, смилуйся над
нами, несчастными грешниками... От-
пусти кающимся прегрешения их...
Даруй им, о Всеблагий Отче, милость
Твою, дабы жили они отныне благо-
честиво, в праведности и трезвости, во
славу Твою. Аминь.

*Из «Всеобщей исповеди»**

* «Всеобщая исповедь» (англ. General Confession) — обязательная часть утренней и вечерней службы в англиканской церкви (см. «The Book of Common Prayer»: «Молитвенник для всех» (букв. «Книга общей молитвы») — официальный молитвенник и требник англиканской церкви, впервые издан в правление королевы Елизаветы I, в 1549 г.; переиздан в период Реставрации, в 1662 г.).

Книга первая

ПЯТНИЦА, 16 СЕНТЯБРЯ —
ВТОРНИК, 20 СЕНТЯБРЯ

Глава 1

Четвертая жертва Свистуна была самой молоденькой: Валери Митчелл исполнилось всего пятнадцать лет восемь месяцев и четыре дня. Погибла она потому, что опоздала на автобус, отправлявшийся из Истхейвена в Коббз-Марш в 9.40. Как это всегда с ней случалось, она ушла с дискотеки в самый последний момент, хотя танцплощадка была все еще битком набита танцующими: они дергались и извивались в свете вращавшихся прожекторов. Валери высвободилась из тесных объятий Уэйна и, пытаясь перекричать охрипшие динамики, проинструктировала свою подружку Шерл о планах на следующую неделю. Теперь можно было уйти. В последний раз оглянувшись на танцплощадку, она отыскала серьезную физиономию Уэйна: тот увлеченно подпрыгивал и от безумствующих прожекторов по лицу его бежали желто-красно-синие полосы перемежающегося света. Переобуваться было некогда. В раздевалке Валери рванула куртку с крючка и бросилась бегом вдоль улицы, мимо темных магазинов к автобусной остановке; раздувшаяся сумка, свисая с плеча, неловко толкалась ей в бок. Но выбежав из-за угла к остановке, она с ужасом увидела, что бледный свет высоко вознесенных фонарей падает в пустоту и тишину, а удаляющийся автобус прошел уже почти полпути к вершине холма. Еще можно было его догнать, если бы светофор загорелся красным, и Валери со всех ног бросилась вдогонку. Ноги в легких, на высоких каблуках туфельках подворачивались, а красный свет так и не зажегся. Она с отчаянием следила, задыхаясь и согнувшись от боли в неожиданно сведенной судорогой ногой, как ярко освещенный автобус медленно и неуклюже взбирается наверх и, словно корабль в пучине, исчезает за вершиной холма.

— Да нет, нет же! — закричала она ему вслед. — О Господи, нет! Не-е-ет! — И почувствовала, как слезы отчаяния и гнева обжигают глаза.

Все кончено. В их семье правила устанавливает отец, и никакие просьбы и протесты не помогают. После долгих споров и уговоров ей было разрешено раз в неделю, по пятницам, ходить на дискотеку в молодежный клуб при местной церкви. Но только если она будет успевать на автобус в 9.40. Тогда примерно через час она сойдет с автобуса в Коббз-Марше, у кафе «Корона и якорь», в нескольких шагах от дома. В 10.15 отец обычно начинал поглядывать в окно большой комнаты, где вместе с матерью они сидели перед телевизором, не задерживая штор: ждал, не идет ли мимо дома автобус. И в любую погоду, какой бы интересной ни была программа, отец надевал пальто и шел к остановке так, чтобы ни на минуту не упустить дочь из виду. С тех пор как стало известно об убийствах, совершаемых Свистуном из Норфолка, эта домашняя тирания — не очень, правда, жестокая — получила дополнительные основания. Валери понимала, хоть и не вполне четко, что отец не только считает такую строгость по отношению к единственной дочери оправданной, но и наслаждается ролью сурового родителя. Конкордат между отцом и дочерью был заключен очень давно: «Ты со мной по-хорошему, дочка, и я с тобой по справедливости». Она любила отца и побаивалась, но гнева его страшилась по-настоящему. Сейчас ее ждал дома грандиозный скандал, и она знала, что не смеет даже надеяться на заступничество матери. Все кончено: не будет больше встреч с Уэйном и Шерл по пятницам, придется распрощаться и со всей остальной компанией. И так все уже поддразнивали и жалели ее, оттого что дома с ней обращались как с малым ребенком. Теперь унижению не будет конца. Первым ее побуждением было схватить такси и мчаться вдогонку за автобусом, но она понятия не имела, где тут стоянка, да и денег у нее не хватит — в этом она была совершенно уверена. Можно было бы вернуться на дискотеку, спросить у Шерл, и Уэйна, и у других из их компании — может, скинувшись, они смогут одолжить ей столько, чтоб хватило... Но Уэйн был вечно на мели, а Шерл скуповата, и пока она будет им объяснять да уговаривать, станет совсем поздно. И тут внезапно пришло спасение. Загорелся

8 красный свет, и машина, шедшая последней за че-

тырьмя другими, замедлила ход и остановилась. Валери обнаружила, что смотрит прямо в открытое левое окно на двух пожилых дам. Она схватилась рукой за опущенное стекло и произнесла, задыхаясь:

— Вы не могли бы меня подвезти? Куда-нибудь поближе к Коббз-Маршу? Я на автобус опоздала. Пожалуйста!

Ее отчаянное «пожалуйста» никак не тронуло даму за рулем. Дама глядела вперед, на дорогу, и хмурилась, потом покачала головой и отпустила сцепление. Но ее спутница, поколебавшись мгновение, посмотрела на Валери, перегнулась через спинку сиденья и открыла заднюю дверцу:

— Садись, быстро! Мы едем в Холт. Можем высадить тебя на перекрестке.

Валери забралась на заднее сиденье, и машина тронулась. Они по крайней мере ехали в нужном направлении, и ей понадобилась всего пара секунд, чтобы составить план действий. От перекрестка у Холта до автобусной остановки идти не больше полумили. Она как раз попадет на свой автобус и проедет одну остановку до «Короны и якоря». Времени вполне хватит: автобус будет еще крутиться по деревням минут двадцать. Дама за рулем впервые подала голос.

— Разве можно ночью просить незнакомых людей тебя подвезти? — сказала она. — А мама твоя знает, где ты и чем занимаешься? Родители в наши дни совсем, видно, разучились справляться с детьми.

«Ну вот, размычалась, корова, — подумала Валери, — ей-то, дуре старой, что за дело, чем я занимаюсь». Она и от учителей в школе не стала бы терпеть таких замечаний. Но пришлось проглотить обиду, хоть грубость — типичная подростковая реакция на критику взрослых — так и рвалась с языка. Надо ведь доехать с этими старыми гримзами до перекрестка. Не испортить им настроения. И она ответила:

— Я должна была успеть на автобус в 9.40. Папа меня просто убил бы, если б знал, что я попутку ловлю. Я б и не просила подвезти, если б вы были мужчиной.

— Очень надеюсь, что это так. И твой папа совершенно прав, что держит тебя в строгости. Времена для молодых девушек сейчас опасные, я про Свистуна уж и не говорю. Где именно ты живешь?

— В Коббз-Марше. Но у меня дядя с тетей в Холте живут. Если вы меня у перекрестка высадите, дядя сможет меня до самого дома довезти. Они рядом с перекрест-

ком живут. Ничего со мной не случится, если вы меня там высадите, правда-правда.

Она солгала и глазом не моргнув, и они так же легко повели ей. За всю дорогу никто не произнес больше ни слова. Валери сидела, поглядывая на седые, коротко стриженные затылки, следя за движениями рук на руле машины — морщинистых, в старческой гречке. Сестры небось, подумала она, похожи очень. Первого взгляда ей вполне хватило: она успела рассмотреть одинаковые, почти квадратные головы, одинаково упрямые подбородки, одинаково приподнятые брови над сердитыми, возмущенными чем-то глазами. Поругались, видно, решила она: какое-то напряжение чувствовалось между этими двумя, оно словно дрожало в воздухе. Она вздохнула с облегчением, когда та, что сидела за рулем, по-прежнему не произнося ни слова, затормозила у перекрестка. Валери выбралась из машины, пробормотав слова благодарности. Девушка смотрела им вслед, пока машина не скрылась из виду. Эти две женщины были последними, кто видел Валери живой и невредимой. Впрочем, нет. Кроме них, был кто-то еще.

Она присела на обочине и сменила нарядные туфельки на уличные: родители требовали, чтобы в школу Валери ходила в уличных туфлях. Потом с облегчением вскинула на плечо ремень отощавшей сумки и двинулась прочь от Холта к автобусной остановке. Дорога здесь была узкая и темная, без фонарей. Справа по краю стояли деревья, их вершины казались вырезанными из черного картона и наклеенными на усыпанное звездами небо. Слева, по той стороне, где она сейчас шла, дорогу окаймляла неширокая полоса кустов, местами таких густых и высоких, что дорога совсем пропадала в их тени. До сих пор Валери испытывала лишь всепоглощающую радость оттого, что не надо больше беспокоиться, все теперь будет хорошо. Она приедет на том же самом автобусе. Однако, когда она оказалась в непривычной, пугающей тишине на темной дороге, где ее шаги звучали так противоестественно громко, ее охватило беспокойство совершенно иного рода: предательски подкрался страх, и Валери неожиданно ощутила в сердце его первые уколы. Теперь, узанный и признанный, страх завладел всем ее существом и, развернувшись в полную силу, перерос в непреодолимый ужас.

10 По дороге шла машина, огни ее приближались, одновременно являя собой и символ нормальной, шед-

шей своим ходом жизни, и грозную опасность: все знали, что у Свистуна должна быть машина, иначе как он может совершать эти убийства на таком расстоянии одно от другого, как успевает исчезнуть потом, когда завершит свое ужасное дело? Она отступила к кустам, пытаясь укрыться в их густой тени, забыв обо всех прежних страхах, вытесненных этим новым, куда более сильным. Послышался нарастающий шум, словно шум моря, кошачьи глаза фар мелькнули и исчезли, и в порыве ветра машина промчалась мимо. Валери осталась одна в тишине и темноте. Но одна ли? Она не могла отделаться от мысли о Свистуне: слухи, правда и выдумки — все сплелось в ужасающую реальность. Он душил женщин, известны уже три жертвы. Он обрезал убитым волосы и засовывал их беднякам в рот; волосы торчали у них изо рта, как солома из чучела Гая Фокса пятого ноября*. Мальчишки в школе, высмеивая Свистуна, прятались в кладовке для велосипедов и свистели там — ведь все говорили, что он свистит над телом убитой им женщины. Тебя-то Свистун уж точно поймает, кричали они Валери вслед. Он мог оказаться где угодно. Он выходил на дело по ночам. Он мог быть сейчас здесь. Ей захотелось вдруг упасть, вжаться в пахучую землю всем телом, спрятать лицо и зажать руками уши, лежать не шевелясь до утра. Но ей удалось справиться с охватившей ее паникой. Нужно дойти до угла и попасть на автобус. Валери заставила себя выйти из-за кустов и снова, теперь почти бесшумно, зашагала по дороге.

Ей хотелось броситься бегом, но она сдержала себя. Ведь это существо, человек оно или животное, что прячется где-то в кустах, уже учуяло ее страх и только и ждет, чтобы она поддалась панике. Вот тогда она и услышит, как трещат, ломаясь, кусты, как грохочут тяжелые шаги, почувствует на шее у затылка неровное жгучее дыхание. Нельзя бежать. И она шла, быстро и бесшумно, покрепче прижав сумку, едва дыша, не сводя взгляда с дороги перед собой. Молилась на ходу: «Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы спокойно добралась до дома, я никогда больше не стану

* Гай Фокс — глава «Порохового заговора» (5 ноября 1605 г.) с целью убийства короля Якова I, прибытия которого на заседание парламента ждали заговорщики. Под здание парламента подложили бочки с порохом. Заговор был раскрыт, и с тех пор в Англии отмечают этот день сожжением чучела Гая Фокса и фейерверком.

лгать. Я буду уходить вовремя. Помоги мне благополучно
дойти до угла. И пусть автобус побыстрее придет. О Го-
споди, помоги мне, пожалуйста!»

И тут свершилось чудо: ее молитва была услышана. Со-
вершенно неожиданно, буквально шагах в тридцати впереди
нее, показалась женщина. Валери даже не задумалась, откуда
так таинственно и внезапно возникла стройная фигура, мед-
ленно идущая по дороге. Довольно было того, что она здесь.
Когда, ускорив шаги, Валери почти нагнала ее, она разгля-
дела ниспадающую на плечи женщины волну светлых волос,
плотно сидящий на голове берет и короткий широкий плащ,
перетянутый в талии поясом. А следом за женщиной, все-
ля в душу спокойствие и уверенность в полной безопасно-
сти, трусила маленькая кривоногая собачка. Можно вместе
дойти до угла. Может даже, эта девушка собирается ехать тем
же автобусом. Валери чуть не крикнула ей: «Я иду, иду!» —
и бросилась бегом, торопясь почувствовать себя в безопас-
ности, словно ребенок, спешащий укрыться в объятиях ма-
тери.

А женщина в этот момент наклонилась и спустила с по-
водка собаку. Песик, словно выполняя неслышную команду,
исчез в кустарнике. Женщина лишь на мгновение обер-
нулась, бросив взгляд назад, на дорогу, и спокойно ждала,
стоя вполоборота к Валери, в правой руке ее свободно повис
поводок. Валери только что не уткнулась в спину поджи-
давшей ее женщины. И тогда та медленно повернулась. Это
было мгновение абсолютного, парализующего ужаса. Валери
увидела бледное, напряженное лицо — вовсе не женское, —
улыбку, странно растянувшую губы, — зовущую, почти мо-
лящую улыбку, и безжалостные горящие глаза. Валери по-
пыталась закричать, раскрыла было рот, но страх лишил ее
голоса, да она и не успела бы крикнуть. Взмах руки — и горло
ее захлестнул тугой петлей собачий поводок, а затем ее пово-
локло, потянуло с дороги прочь, в густую тень кустов. И Ва-
лери почувствовала, что падает куда-то сквозь время, сквозь
пространство, сквозь страх, бесконечный, как сама вечность.
А над ней, прямо над ее лицом, — другое, пышущее жаром
лицо, и она смогла еще расслышать запах алкоголя, и пота,
и страха, не меньшего, чем ее собственный страх. Рывком
она вскинула вверх руки, но они лишь бессильно приподня-
лись в пустоту и снова упали. Мозг ее, казалось, вот-
вот разорвет череп, боль в груди распустилась в огром-

ный алый цветок и взорвалась беззвучным, бессловесным криком: «Мама, мамочка!» И не стало больше ни страха, ни боли, только милосердная, всепоглощающая, несущая забвение тьма.

Глава 2

Четыре дня спустя Адам Дэлглиш, начальник одного из отделов Скотланд-Ярда, продиктовал секретарше последнее письмо, покончил с бумагами по разделу «входящих», запер ящик стола, набрал шифр и захлопнул дверцу личного сейфа. Теперь Дэлглиш был готов отправиться в двухнедельный отпуск в Норфолк, на побережье. Он устал, давно пора было отдохнуть. Но запоздавший отпуск не сулил спокойного отдыха: в Норфолке были дела, требовавшие серьезного внимания. Два месяца назад скончалась тетушка Дэлглиша, последняя из его родных, и оставила ему все свое состояние и дом. Дом — перестроенная ветряная мельница — находился на северо-восточном побережье Норфолка, в Ларксокене. Состояние неожиданно оказалось весьма значительным и принесло с собой множество нерешенных проблем. Мельница же представляла собой наследство не слишком обременительное, но и здесь все было не так-то просто. Дэлглиш чувствовал, что ему надо пожить на мельнице одному неделю-другую, прежде чем решить, что с ней делать — продать, оставить себе и наезжать временами в отпуск или передать за номинальную цену норфолкскому Обществу охраны ветряных мельниц. Он знал: это Общество с готовностью восстанавливает такие мельницы, возвращая их в рабочее состояние. Кроме того, остались семейные бумаги и документы, тетушкины книги, обширная библиотека по орнитологии. Все это нужно было разобрать, привести в порядок и решить, что со всем этим делать. Но Дэлглиш думал об этом с удовольствием. Еще в детстве, мальчишкой, он терпеть не мог бесцельно проводить каникулы. Правда, ему и представить было трудно, откуда, в результате какой детской провинности и чувства вины или ложно понятого долга родился и вырос этот странный мазохизм, с годами предъявлявший ему все более и более непрекаемые требования. Дэлглиша радовало, что в Норфолке ему будет чем заняться еще и потому, что он понимал: поездка в Норфолк — что-то вроде бегства. После че- **13**

тырех лет молчания его новый сборник стихов «“Как ответить?” и другие стихотворения» вышел из печати и был встречен критиками довольно шумно. И хотя критика эта неожиданно оказалась благожелательной, он обнаружил, что с трудом переносит внимание журналистов, как, впрочем, и интерес широкой публики. Он привык к тому, что после особенно громких дел о раскрытых им убийствах пресс-центру столичной полиции обычно давалось указание оградить Дэлглиша от излишней известности. У издательства же на этот счет были явно противоположные взгляды, и Дэлглиш откровенно радовался возможности удрать от издателей, критиков и восхищенной публики хотя бы недели на две.

Он успел заранее попрощаться с инспектором Кэйт Мискин: сейчас ее уже не было в управлении — она расследовала очередное дело. Главный инспектор Мэссингем получил командировку на курсы переподготовки в Брамсхиллский полицейский колледж, сделав, таким образом, новый шаг по тщательно намеченному пути наверх, к получению шнура главного констебля. Поэтому Кэйт временно занимала его место в спецотделе в качестве заместителя Дэлглиша. Адам зашел в ее кабинет — оставить записку с летним адресом. Здесь было, как всегда, очень чисто и аккуратно, все выглядело по-деловому разумно, было продумано до мелочей и все-таки впечатляюще женственно. На стене — единственное украшение: картина маслом, собственное творение Кэйт. Абстрактная живопись, вихрь коричневых тонов, пронизанных тонким лучом ядовито-зеленого. Чем чаще всматривался Дэлглиш в этот этюд, тем больше он ему нравился. На ничем не загроможденном столе стояла прозрачного стекла вазочка с фрезиями. Их аромат, сначала как будто неуловимый, вдруг донесся до Адама, усилив впечатление ее присутствия, физического присутствия в пустой комнате, впечатление странное и всегда более сильное, чем если бы Кэйт действительно сидела за столом и работала. Он положил записку на девственно чистый лист промокательной бумаги, покрывавшей стол, на самую его середину, и улыбнулся, заметив, что закрывает дверь с ненужной осторожностью. Теперь осталось только заглянуть в компьютерную, сказать словечко на прощание, и можно шагать к лифту.

Двери лифта уже закрывались, когда Дэлглиш услышал топот бегущих ног, веселый возглас, и Мэнни Каммингс вскочил в кабину, едва увернувшись от сталь-

ных челюстей сомкнувшихся створок. Как всегда, Каммингс весь бурлил от переполнявшей его энергии; казалось, стены лифта не смогут удержать этот энергетический вихрь внутри кабины. Каммингс помахивал большим конвертом из плотной коричневой бумаги.

— Здорово, что я тебя поймал, Адам. Ты ведь удираешь в Норфолк, верно? Если вдруг Свистун попадет в руки этих, из норфолкского отделения Угро, взгляни на него разок за меня, ладно? Может, это тот парень из Баттерси, которого мы ищем?

— Душител ь из Баттерси? Думаешь, это вероятно? С учетом времени и данных медэкспертизы? Вряд ли стоит всерьез рассматривать такую возможность.

— Да нет, это практически невероятно. Но ты ведь знаешь, Дядюшка терпеть не может, когда хоть что-то остается непроверенным: каждый камушек надо обнюхать, каждый переулочек перетряхнуть. Я тут собрал кое-какие данные по-подробней и айдендикит*, просто так, на всякий случай. Ты ведь в курсе — нам кое-что уже удалось обнаружить. И я дал знать Рикардсу, что ты походишь по его территории. Помнишь Терри Рикардса?

— Помню.

— Похоже, он уже главный инспектор. Пошел в гору в Норфолке. Тут у нас у него бы так не вышло. Да еще, говорят, он женился. Может, помягчел чуток, а? Ох и крут!

— Я похожу по его территории, но слава Богу, не у него под началом, — ответил Дэлглиш. — А если Свистун попадет к ним в руки, зачем мне отбивать у тебя шанс провести денек на природе?

— Да я терпеть не могу проводить время на природе, особенно если поблизости гор нет. Подумай только, сколько денег ты сэкономишь налогоплательщикам! А я подскочу к вам туда, если будет на что взглянуть. Ну, Адам, молодец, что согласился. Хорошего тебе отдыха.

Только Каммингс был способен на такую наглость. Впрочем, для просьбы у него все-таки были кое-какие основания, тем более что Дэлглиш стал его начальником всего несколько месяцев назад и сам любил поговорить о необходимости сотрудничества и разумной экономии средств. Да и не похоже

* Айдендикит — комплект типичных черт, по которому составляется портрет-робот, а также собственно портрет-робот.